

ДЖЕРЕЛА ТА ЛІТЕРАТУРА

1. Рабочая книга по прогнозированию /И.В. Бестужев-Лада (отв. ред.). – М.: Издательство «Мысль», 1982. – 426 с.
2. Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа //Социологические исследования. – 2004. - № 6. – С. 112-119.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – СПб.: Наука, 1997.–800с.
4. Альтшуллер Г. О прогнозировании развития технических систем. – Баку, 1975. – 13 с. (рукопись) <http://www.altshuller.ru/triz/zrts3.asp>.
5. Альтшуллер Г.С. Основные этапы развития технических систем //Альтшуллер Г.С. Дерзкие формулы творчества/ (Сост. А.Б. Селюцкий). – Петрозаводск: Карелия, 1987. – 269 с. с. 25-29.
6. Ленин В.И. Крах II интернационала //Полное собрание сочинений. 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. - Т.26. –590с.
7. Тойнби А.Дж. Постижение истории. Пер. с англ. / А.Дж.Тойнби. Сост. Огурцов А.П.; вступ. ст. Уколовой В.И.; закл. ст. Рашковского Е.Б. – М.: Прогресс, 1991. – 736с.
8. Талейб Нассим Николас Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости /Пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионовой, О. Попова, под. ред. М. Тюнькиной. – М.: КоЛибри, 2009. – 528с.
9. Воловик В.И. Введение в философию. Учебное пособие. – Запорожье: Просвіта, 1999. – 176 с.
10. Дебор Г. Э. Общество спектакля. Пер. с фр. / Перевод С. Офертаса и М. Якубович. М.: Издательство “Логос” 1999. – 224 с.

SUMMARY

Article describes changes in the orientation of forecasting methods in the practice of management subject concept of "life" to "possession" and "understanding. " The development trend of classification of forecasting methods from the search, normative, analytical forecasting, warnings and forecasts to predictive research activity and capacity to forecasting are investigated.

В. И. ПАЛАГУТА

**ВОЗМОЖНОСТИ «ВОЗВРАЩЕНИЯ» СУБЪЕКТА
В СОВРЕМЕННУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ТЕОРИЮ**

Одной из характерных тенденций развития современной социальной теории становится «возвращение» в её проблемно-исследовательское поле концепта «субъект» после постмодернистской ситуации «смерти субъекта», но данное возвращение – уже на качественно новой основе. Данная тенденция определяется постепенным утверждением в социально-гуманитарных науках *субъектно-ориентированного подхода*. Его повсеместное распространение во многом обуславливается глубоким кризисом объективистских подходов в социально-гуманитарном познании. Этот кризис в первую очередь касается классической и неклассической социальной теории, социологии и социальной антропологии, где субъект сводился к функциям социальных отношений и структур. Не лучшим образом обстояло дело в социальной психологии, где длительное время доминировал бихевиоризм и теория потребностей, и в классическом психоанализе, где преобладал биологизм и «Эго-психология».

Вместе с тем, на фоне современных дискуссий о возвращении субъекта, очевидным образом проявляется отсутствие общепринятых междисциплинарных подходов к пониманию категории «субъект». В зависимости от научного направления, субъект определяется как антропологическая (субъект как человек), гносеологическая (субъект как познающий), юридическая (субъект как подданный), психологическая (субъект как личность) константа и т. д. Обращение к классическим философским трудам, благодаря которым категория "субъект" вошла в междисциплинарный обиход (Б. Паскаль, Р. Декарт, И. Кант, Ф.В.Й. Шеллинг и др.) позволяет нам сделать вывод, что многочисленные содержания, которыми наполняется данная категория в различных социально-гуманитарных науках, являются вторичными и производными по отношению к его изначальному – онтологическому смыслу [1, 12-50]. Онтологический уровень исследования субъекта становится сейчас актуальным благодаря преобладанию в современных социальных условиях нового типа субъективности – так называемого *конструктивно-топологического субъекта*, обладающего, во – первых, достаточной степенью свободы, гибкостью, способного пребывать во многих социальных

измерениях одновременно и, во-вторых, способного постоянно видоизменять, конструировать и преобразовывать себя в той или иной социальной реальности. Данный феномен субъективности получил в социально-гуманитарных исследованиях название *полисубъективности* (А. Турен, М. Кастельс, А. Рено, С. Жижек, Ю. Кристева и др.). И в этом контексте, на наш взгляд, наиболее приемлемым будет определение современного субъекта как «деятельной» полисубъективности, которое предложил известный французский социолог А. Турен [2, 486].

Поэтому, касаясь онтологических характеристик конструктивно-топологического субъекта, необходимо отметить, что их невозможно рассматривать обособленно от структур социальной реальности, к их исследованию вполне можно применить идею Г. Башляра, что «субстанция не имеет на всех уровнях одну и ту же плотность; *существование – не монотонная функция*; оно не может всегда и везде звучать на одной ноте. <> Следует принять идею многослойной реальности» [3, с.203], что и предопределяет и «множественного» субъекта и его онтологию. Тем самым, можно утверждать, что социальная реальность задаёт многообразные формы данного типа субъективности. Вместе с тем нельзя не упомянуть тот факт, что сложность исследования полисубъективности обуславливается, в первую очередь тем, что конструктивно-топологический субъект практически не поддается эпистемологическому анализу в рамках традиционных подходов. При их использовании неизбежно возникает или гипостазирование и объективация субъективности или же реификация и редукция субъекта в социальных измерениях бытия, получающего такие объективированные характеристики как «актор», «социальный агент», «индивидуальный агент», «коллективный агент» и т.д. И в этом смысле полисубъективность как характеристику современного социального субъекта возможно изучать только с помощью междисциплинарных исследований. Поэтому, субъектно-ориентированный подход и предполагает в качестве своего непереносимого условия применения междисциплинарного синтеза идей и положений многих направлений социально-гуманитарного знания.

Если в общем виде охарактеризовать доминировавший в последнее время в социальной теории структурно-функциональный подход, то он задавал социальный порядок и целостность как неотъемлемые априорные атрибуты социальной реальности, то при его использовании возникает весьма существенная проблема – «исчезновение» субъекта из поля социальной теории – его или нет изначально вообще, или он «пристегивается задним числом» к социальным образованиям и структурам. В этой связи весьма уместна оценка роли субъективности в классической и неклассической социальной теории известного современного немецкого социолога Р. Дарендорфа: «Человека, которого изучают социологи, на самом деле – не существует вовсе» [4, 30]. Как следует из последних исследований в области социально-гуманитарных наук, то в них всё настойчивее и настойчивее проводится кардинальная идея, что редукция субъекта к социальной системе блокирует адекватное понимание процессов, протекающих в самой социальной реальности. И в этом смысле субъектно-ориентированный подход предлагает новые варианты решения проблемы «вхождения» и «размещение» субъекта в социальных измерениях бытия, применяя и качественно новые исследовательские стратегии и методы изучения как субъективности, так и самой социальной реальности. Общая их суть заключается в отказе от рассмотрения субъекта как среднестатистического элемента социума, как простого приложения или функции социальной системы, что свойственно трактовкам субъективности в классической и неклассической социальной теории. Таким образом обозначаются новые горизонты в изучении субъекта в социальных структурах, что предполагает его «реабилитацию» и возвращение в поле социальных исследований после достаточно продолжительного периода забвения.

Во многом это определялось тем, что классическая и неклассическая социальная теория реализовывалась в рамках субстанционалистской (позитивистской) парадигмы. Если указать на её генезис в социальных науках, то он формировался благодаря «проникновению» и достаточно широкому распространению гегелевской схемы «хитрости разума», отвергающей причинность социальных действий субъектов, которые, как в ней постулируется, не осознают того, что они делают, и не несут ответственности за становление, которое совершается помимо их воли, желания и устремлений. Выражая взгляд на эту устоявшуюся и целиком не отвечающую современным социальным реалиям точку зрения, французский философ А. Рено замечает: «Теперь уже никто или почти никто не оспаривает тот факт, что подобная практика общественных наук ставит много проблем, будь то с этической или юридически-политической точек зрения, поскольку исключение понятия ответственности выглядит нежелательным.<> Не будут ли лучше объяснены социальные факты, если предположить, что социальный деятель осознает и принимает ответственность за то,

что делает» [5, 84]. Поэтому А. Рено и утверждает, что «надо престать говорить о смерти субъекта и конце человека, скорее следует хотя бы методически осмыслить этого субъекта во всём разнообразии проблем. В каких случаях действительно надо интерпретировать социальные факты согласно объяснительной схеме типа «хитрости разума» (что очевидно, зачастую справедливо и даже необходимо), а в каких случаях можно *пойти другим путём* и предположить ответственность деятелей? Оценка с точки зрения действенности не может быть достаточным критерием, и тут встаёт, следовательно, вопрос об обосновании. В тот день, несомненно, ещё далекий, когда философы перестанут думать, что общественные науки, отвоевавшие у философии часть хлеба, являются воплощением крайнего зла, может быть, они заметят, что от этих дисциплин исходит настоящая философская проблема, касающаяся статуса и функционирования идеи субъективности в качестве регулирующего принципа» [5, с.85]. Тем самым, непредвзятое изучение субъективности должно включать описание не только субъекта как автономного начала, но и многообразные формы его взаимоотношений с социальной реальностью и, в конечном счете, с изучением существования субъекта в определенных позициях социальной реальности. Речь здесь идет о том, что сегодня проблема субъекта ставится исходя из требований не столько самой философии, сколько социальных наук, со свойственными им специфическими проблемами, и поэтому «теперь она встает в том виде, который определяется проблемным полем указанных дисциплин» [5, 83]. Социальные науки, пережив кризис функционализма и структурализма, неизбежно сталкиваются с необходимостью переосмысления субъективности и прояснения вопроса об автономии социальных действующих лиц. Вот почему, в современных дискуссиях речь не идет о простом возвращении к классическим философским позициям. Сегодня, и это признаётся большинством сторонников «возвращения» идеи субъекта в социальную теорию, речь идет о «другом» субъекте – субъекте, прошедшем через критическую рефлексию 20-го века, и лишившегося в процессе этого прохождения ряда важнейших характеристик. В этой связи А. Рено говорит о невозможности возвращения и к И. Канту, ибо сейчас проблема субъекта предстает в совершенно другом контексте. «Это смещение философского спора уже в значительной степени меняет саму формулировку проблемы, и все это происходит в пределах, которые еще предстоит изучить», – резюмирует свою позицию французский социальный философ, делая при этом акцент на разработке проблемы субъективности в контексте понимания субъекта как системы позиций и мест социального пространства [5, 82]. И он далеко не одинок. Так, во многом развивая основные положения субъективной теории действия А. Турена, современный немецкий социолог Х. Йоас предлагает теорию креативного действия субъекта как альтернативы традиционным теориям целерационального и нормативно-ориентированного действия веберовского, дюркгеймовского или парсоновского типа, доминировавших долгое время в социальных науках. При этом он делает акцент на трех составляющих элементах современной субъективности – целеполагании самого субъективного действия, носящего сложный сознательно-бессознательный характер; контроле над собой, прежде всего, над собственным телом; формировании границ субъекта, базирующегося на его изначальной, априорной, «внутренней» или «базальной» социальности (М. Хайдеггер). Представляя свою концепцию, немецкий социолог замечает, что «теория действия, которая осознает *не безусловный характер* этих допущений, должна погрузиться в «дионисийскую» основу всей рациональности и социальности. За это она будет вознаграждена «пониманием современных структур индивидуального и коллективного действия» [6, 16]. Согласно Х. Йоасу теория креативного действия является одним из образчиков возвращения субъекта в социальную теорию, реабилитирующим субъективность и как активное, творческое начало (представленное на уровне чисто внешних характеристик субъективности), и как «упакованная» в структурах социальной реальности субъективность, определяемая «коллективным» бессознательным, функционирующим в качестве своего рода большой социальной мегамашины.

Известный американский социальный философ и культуролог Ф. Джеймиссон, также ставит проблему субъективности в аналогичном ключе: «Субъект, без сомнения, не является простым «эффектом» объекта, зато не будет ошибкой утверждать, что *позиция* субъекта является вот таким эффектом. Однако следует понимать, что под объектом подразумевается не какая-то исключительно перцептивная совокупность физических вещей, а *социальная конфигурация или ансамбль социальных связей*» [7, 162]. Тем самым сама постановка проблемы субъективности в подобном ракурсе рассматривания инвертирует субъекта в *полисубъективное измерение*, делая его существование непосредственно зависимым от социальной реальности, от сложившихся

социальных порядков социума. Можно даже сказать, что сама необходимость в понятии «субъект» и связанной с данным понятием социальной проблематике субъективности является своеобразным знаком неизбежного сохранения субъекта как константы для всей системы философского дискурса.

Тем не менее, ряд исследователей достаточно скептически относятся к «возвращению» субъекта в социально-философскую теорию в виде вариантов интерсубъективности, коммуникативности и интеракционизма, требуя иных – альтернативных – подходов к исследованию проблемы субъективности. Так, российский исследователь Ю. Перов по этому поводу замечает: «Смена одного субъекта межсубъектными отношениями и взаимодействиями, породившими спектр многообразных «интеракционистских» и «коммуникативных» теорий, не ведет к радикальной смене методологических установок в сравнении с «субъективным» принципом Декарта в той мере, в какой субъект (субъекты) остается «подлежащим», из себя развертывающим виды и формы деятельности. Но именно эта исходная посылка европейской метафизики и представляется ныне наиболее проблематичной» [8, 104]. Безусловно, концепт «субъект» имеет достаточно сильные коннотации с классическим пониманием и классической парадигмой субъективности в целом, что не может не вызывать радикального сомнения в его дальнейшем использовании. Но лишь частично соглашаясь с подобной точкой зрения, необходимо отметить, что действительно необходим поиск качественно иного ракурса исследования субъективности, который позволил бы выйти на принципиально иной уровень анализа проблематики субъекта. Поэтому в символе «смерти» метафизического субъекта и смене парадигмы субъективности очерчивается и определенная перспектива исследования «нового» субъекта, о которой говорит российский философ С. Хоружий: «Субъект действительно умирает: этот род антропологизма потерпел крах. Вместо него остается «субъектная перспектива», которую надо, тематизируя, попытаться реализовать. Положение «Я-субъектность, а не субъект» позволяет говорить об определенном консенсусе в отношении нынешнего антропологического кризиса. Важно найти *корни, начала субъектности*. Они не тождественны «Я», но тем или иным образом заключают его в себе» [9, 128-139].

Поэтому, всё настойчивее в сообществе исследователей осознается потребность в выработке общепринятой социально-философской позиции в отношении изучения *онтологического аспекта*, актуализированного изучением современного конструктивно-топологического типа субъекта. В свою очередь, детальное изучение данного аспекта проблемы открывает перспективы для исследования доселе мало изученного, скрытого слоя социальной реальности, «производящего» и «встраивающего» субъекта в различные структуры социальной реальности. Вот почему, резко обозначившееся отсутствие какой-либо приемлемой всеобщей социально-теоретической позиции в трактовке концепта «субъект» привело к широкой и острой междисциплинарной дискуссии ученых-гуманитариев о целесообразности возвращения субъективности как концептуальной идеи в социальную теорию и в социально-гуманитарные исследования в целом.

Итак, проблема субъективности, однажды осмысленная в рамках философского дискурса и сопряженная с глубокими социокультурными трансформациями новоевропейского общества, приобретает сейчас многоаспектный и многоуровневый характер, что предполагает её анализ с позиций междисциплинарного социально-гуманитарного познания и предусматривает разработку положений и принципов методологии междисциплинарного синтеза. Не в последнюю очередь в силу вышеупомянутого обстоятельства, в проблематике, ориентированной на изучение субъективности в контексте социума, происходит переориентация на использование новых подходов. Предварительно основной смысл их можно выразить следующим междисциплинарным положением: «Функция исторического деятеля (при переходе на другие уровни) тем самым как бы переходит от человека (мыслимого в категориях психологии, прежде всего) к *самоактивному полю*, к безличному анонимному механизму, к социальной системе, в дискретную и динамическую культуру которой человек входит независимо от своей воли и сознания, хотя и не без их участия» [10, 45].

Тем самым субъект сам по себе уже не пребывает в «антропологической пустоте», что весьма характерно для классической парадигмы субъективности, а постоянно включен во все многообразие социальных полей, позиций, и структур социальной реальности, которая носит многоуровневый и многослойный характер. Поэтому сейчас «происходит осознание понятий «структура», «диспозиция», «габитус», «эпистема» и т.п. Под вопрос были поставлены такие понятия, как «гносеологический субъект», «трансцендентальный субъект», «транспознавательный акт», «субъективизм», «психологизм» [11, 106]. Речь здесь идет о том, что субъекта как такового

уже невозможно рассматривать отдельно самого по себе, вне его «встроенности» в многоуровневость социальной реальности, он сейчас заангажирован в многочисленных социальных образованиях и структурах, в которых субъективность как таковая непрерывно генерируется. Поэтому, как нам представляется, субъект должен трактоваться, с одной стороны, исходя из его местонахождения в какой-либо социальной позиции, или, как отмечал немецкий социолог Б.Верлен, постоянно пребывать в каком-либо месте или локале, т.е. быть внутри всевозможных полей социальных пространств [12]. Но, с другой стороны, за субъектом при этом сохраняется определенная креативность, самоконструирование и вариативность действия как социального субъекта действия. Вместе с тем, сам по себе социально-пространственный ракурс исследования субъективности как «совместности пребывания» субъектов в каком-либо месте еще ничего не говорит [13, 17-20]. Необходимо его рассматривать с учетом дополнительного аспекта, а именно того, который позволяет представить социальную реальность исключительно как реальность дискурсивно-пространственной субъективности, и где «социальное пространство перемещается в пространство коммуникативное» [14]. Более того, сложность исследования субъективности усложняется тем обстоятельством, что сама социальная реальность в современную – постмодернистскую эпоху уже сама по себе носит неопределенный характер, как бы изначально «размыта» [15], природа социального подвижна и носит диспозиционно-коммуникативный характер, в котором «любое социальное явление выражено как знание и средством этого выражения являются речевые практики» [14]. К тому же, данная сложность в исследовании субъективности усугубляется и тем *неустранимым разрывом* социального и индивидуального, преодолеть который составляет существенную проблему для любого исследования субъективности. Так, известный словенский философ и психоаналитик С. Жижек предлагает рассматривать социальность как «встроенную» характеристику субъективности: «Разрыв между индивидом и «безличным» социальным измерением должен быть вписан в самого индивида: *этот «объективный» порядок социальной Субстанции существует лишь постольку, поскольку индивиды считают его таковым* [16, 14].

Эта описательная характеристика «размытости» социального с равным основанием относится и к «плавающему», «ускользающему», реляционному характеру самой современной субъективности. Как отмечает в этой связи известный российский философ Б. Марков: «Единый, абсолютный субъект заменяется существующими полиморфными, спонтанно возникающими формами субъективности» [17, 73-74]. В этом отношении очень тонко «прочувствовал» проблему полисубъективности как «отсутствующего присутствия» один из наиболее известных представителей социального конструктивизма К. Герген (Джерджен): «В существенной степени обладание некоторым идентифицируемым я (*self*) требует наличия сообщества людей, которые признают нас именно такими, поддерживают это представление на протяжении длительного времени и в различных ситуациях, и даже требуют от человека, чтобы он продолжал соответствовать впечатлению о нем. <> Однако по мере того, как *поле отсутствующего присутствия расширяется*, опоры узнаваемого я слабеют. В каждом новом анклавe смыслов, созданном в непосредственном взаимодействии или отчуждено, порождаются *новые я*» [18, 15]. При рассмотрении феномена полисубъективности обращает на себя внимание позиция российского философа С. Комарова, выраженная в его объемной работе «Метафизика и феноменология субъективности». Учёный проанализировал становление теории субъективности от новоевропейской к модернистской и постмодернистской её разновидностям и пришёл к выводу: «Понимание субъективности развивается от субстанциальных трактовок сознания к конкретному присутствию в наличной ситуации, от абсолютности «я мыслю» к *множественности и плюралистичности «я»*. <> «Смерть» субъекта есть, прежде всего, «смерть» его понятия и *множественность переживания «я»*. Поэтому общий вывод нашего исследования можно свести к краткой формуле: *онтологизация феномена субъективности и деонтологизация его понятия (представления)*» [19, 714].

Итак, рассматривая новые подходы к исследованию проблемы субъективности, можно отметить, что возвращение концепта «субъект» в сферу социально-философского анализа после постмодернистской ситуации «смерти субъекта» возможно только на принципиально иной основе, чем это было в традиционной парадигме субъективности. Субъект более не может рассматриваться в современной философии и социальной теории как обособленная и самодостаточная ментальная или психофизическая данность, бытийствующая сама по себе и пребывающая в «антропологической пустоте». Как раз наоборот, субъект всегда «включен» или заангажирован во

множестве положений и позиций социальной реальности, поэтому он может рассматриваться только в определенной, фиксированной на данный момент социальной позиции или месте (топосе) социальных пространств дискурса. Поэтому, давая определение субъекта, можно его представить следующим образом: это характеристика индивида, *соотносимая с его местом или позицией в дискурсивном социальном пространстве*. Субъективность же рассматривается как свойство субъекта, одновременно характеризующее и самого субъекта, и опосредованным образом реально занимаемую им позицию или место в данном дискурсивном социальном пространстве. Более того, сама субъективность распространяется и на возможные, потенциальные свойства, приобретаемые субъектом в других социальных позициях и местах, которые он может занимать в различного рода социальных пространствах. Поэтому, если предельно обобщенно характеризовать специфику субъективности, то это способность субъекта занимать множество различных позиций, его преобразующих (порой весьма существенно) при переходе из одной в другую, от одного дискурсивного социального пространства к другому. А полисубъективность понимается нами как неотъемлемый онтологический атрибут субъективности, свидетельствующий о множестве положений и мест, которые субъект занимает или способен занимать в дискурсивно-социальных пространствах единовременно, т.е. предусматривает несколько иную темпорализацию. Дискурсивно-социальные пространства пересекают, пронизывают друг друга, создавая эффект полисубъективности.

Поэтому, анализ проблемы субъективности в подобном ракурсе открывает новые возможности для изучения онтологической инстанции субъекта. Речь здесь идёт об установлении того трудноуловимого и постоянно «ускользающего» онтологического измерения субъективности, которое конституируется имманентным образом в структурах социальной реальности. Подобный исследовательский ракурс позволяет более детально и всесторонне анализировать изначальное – онтологическое измерение субъекта, а именно – *процесса самоидентификации* социального субъекта в дискурсивных социальных пространствах. В свою очередь, получив посредством изучения процесса самоидентификации операционально-практические определения полисубъективности, имеет смысл переопределить ряд принципиальных положений современной социальной теории. Иначе говоря, с точки зрения субъектно-ориентированного подхода возникает необходимость в пересмотре не только онтологических оснований субъективности, но и самой социальной теории, т. е. тема «воскресения» субъекта и его «возвращения» в поле социально-философского анализа актуализирует критическую рефлексию над ключевыми положениями традиционной социальной теории.

Речь здесь идет о радикальном пересмотре предпосылок и онтологических оснований традиционной социальной теории, которая опирается на гипостазирующие и реификационистские навыки мышления. Устойчиво придерживаясь данных мыслительных навыков, традиционная социальная теория неизбежно сталкивалась с проблемой референта социального дискурса, поскольку любая социальная теория является дискурсом или дискурсивной практикой субъекта-теоретика, поэтому всегда существенно – *кто говорит и откуда?* С какого места производится высказывание? Анализ предпосылок традиционной социальной теории заставляет предположить, что говорящий всегда занимает позицию трансцендентного наблюдателя *вне и поверх* социальной реальности, он говорит *за другого*, выдавая себя за субъекта, *который якобы знает*, что фактически блокирует адекватное рассмотрение самого субъекта социального действия. Дело в том, что трансцендентная позиция наблюдения активно задействует гипотезу о существовании метаязыка социальных наук или, выражаясь несколько упрощенно, наблюдения социальной реальности «из окна кабинета». А занятие трансцендентной позиции наблюдения за социальной реальностью неизбежно приводит к парадоксу бесконечного регресса или неопределенного размножения метаязыков, что отдаляет наблюдателя от адекватного понимания социальной реальности. Кроме того, использование метаязыковой гипотезы не учитывает того факта, что любой язык социальных наук всегда отсылает к языку как к условию собственной возможности, ибо не существует позиции внеаходимости трансцендентного наблюдателя, у него *всегда* есть конкретное место, а метаязыковая гипотеза в лучшем случае этот факт не замечает. К тому же, в трансцендентной позиции наблюдения всегда существует вероятность ложных обобщений и выводов при переходе от рассмотрения локальных, сингулярных социальных порядков микросоциального (им, как правило, традиционная теория отказывала в статусе автономных целостностей социальной реальности) к макросоциальным структурам и образованиям.

В качестве альтернативы позитивистскому подходу сейчас утверждаются принципиально иные подходы в социальной теории, прежде всего, весьма перспективен междисциплинарный синтез социально-топологического и социально-конструктивистского подходов с современным дискурс-анализом и современным теоретическим психоанализом. Данный междисциплинарный подход актуализируют такой способ рассуждения о социальном, в котором социальная реальность фундируется не совокупностью социальных вещей, подобно их физическим аналогам, а рассматриваются как подвижные и реляционные дискурсивные пространства, о которых уже говорилось ранее. В исследовании дискурсивных пространств, если выразится языком Ф.В.И. Шеллинга, необходимо "найти точку, где субъект и объект непосредственно едины" [20, 254]. Поэтому, в рамках разработки микроуровневой социальной теории требуется более углубленный анализ взаимосвязи процессов самоидентификации с социальными позициями и местами субъекта, т. е. в ее построении необходимо сделать акцент на социальных измерениях дискурса.

Далее, преодоление субстанционалистской парадигмы в социальной теории возможно только при том условии, что в центре социально-теоретических построений будет помещен субъект, самоопределяющийся в символических конструктах «пространств говорения» как дискурсивных микроуровнях социального. И в этом плане, наиболее сложной и мало разработанной проблемой современной социальной теории является изучение характера взаимосвязей между субъектом и социумом *на микросоциальных уровнях существования субъекта*, где и происходит конституирование субъективности через самоидентификацию. В процессе самоидентификации субъект как идентификатор соотносит себя самого с тем или иным означающим внутри речевых высказываний-событий, которые, в свою очередь устанавливают дискурсивные пространства и их поля. Таким образом, субъект, как самоидентифицирующееся существо, конституируется в дискурсе-речи и только благодаря дискурсу. Исходя из этого, можно утверждать, что самоидентифицирующееся высказывание удовлетворяет критериям перформатива как слова-действия, в том виде в каком они трактовались Дж.Остином и Дж. Сёрлем: оно не является высказыванием, констатирующим существование объекта; субъект этого высказывания производится самим высказыванием, что и предопределяет онтологию субъекта на микросоциальных уровнях социума. Данные микросоциальные уровни субъективного существования предполагают, поэтому, изучение важнейшего конститутивного для субъекта и социальной реальности *особого речевого образования* – дискурса и его многочисленных практик, далеко выходящего за рамки чисто лингвистического его понимания, хотя и проявляющегося в «живой» речи. Сейчас термин «дискурс» применяется очень часто, поэтому «затёрт» его первоначальный смысл как особого речевого образования. О дискурсе как особом речевом образовании очень точно сказал в работе «Символический обмен и смерть» Ж. Бодрийяр: «Такая речь не имеет ничего общего с лингвистическим пониманием термина «речь», входящего в оппозицию «язык/речь» и подчиненного языку. Нераздельная (символическая) речь сама отрицает разграничение языка/речи. Речь *конкретно-актуальная* говорит то, что говорит, *а заодно и все остальное*. Она не соблюдает правило дискретности знака, разделения инстанций, она говорит одновременно на всех уровнях» [21, 364]. На этих одновременно, и микросоциальных, и дискурсивных уровнях социального проблема субъекта одновременно является и проблемой его социальной самоидентификации. Данные микроуровни и предопределяют то понимание, согласно которому современного субъекта невозможно определить как одномерное существо, он множественен или полисубъективен и самоопределяется, переопределяется и доопределяется в социальных измерениях дискурса. Анализ проблемы самоидентификации субъекта в социальных измерениях дискурса предполагает то, что с его помощью практически должно быть сформулировано новое социально-теоретическое представление о механизмах «вхождения» субъекта в социальные измерения, пересматривающего, ко всему прочему, и традиционные, доставшиеся нам от позитивизма понятия социализации, социальной адаптации, интериоризации, интроекции и т. д. Если же придерживаться понимания социальной реальности в «фарватере» изучения механизма, форм и характеристик процесса самоидентификации, то социальная позиция в дискурсивных пространствах оказывается тождественна место-имению, или «месту существования», в которое «входит» и «занимает» субъект в процессе субъективации. Понятие «позиция» акцентирует реляционный характер самоуверения субъекта, *осуществляемое через процедуру самоузнавания*. Вхождение и размещение субъекта в социальных дискурсивных пространствах одновременно является

конституированием субъективности. Субъект обнаруживает себя существующим в социальной реальности не непосредственно в качестве «гипостазированной» сущности, а опосредованно, через множество связей, существующими между различными символическими областями, «местами» или «позициями» дискурсивного пространства самоидентификации.

Таким образом, если подходить к социальной теории с учётом онтологии конструктивно – топологического типа субъекта, устанавливающейся в дискурсивных пространствах самоидентификации, то как никогда актуальной становится социальное теоретизирование с имманентных позиций наблюдения как альтернативы трансцендентному. Смысл данного положения вкратце можно выразить следующим образом: имманентный способ рассмотрения предъясвляет социальную определенность субъекта-исследователя как «точку зрения» на социальную реальность, находящуюся «внутри» самой социальной реальности. Но это значит, что не существует «чистых» социальных объектов, которые не содержали бы в себе элемент означивания (интерпретации), точно так же как не существует чистого метадискурса, социальной теории, противопоставленного таким объектам. Здесь традиционная оппозиция между субъектом и объектом заменяется представлением *о континууме социального дискурса*, в который «включён» наблюдатель в дискурсивных пространствах. Поэтому, социальная реальность не обладает «истиной», которая могла бы быть наблюдаема за его пределами. На данные положения, на которые опирается микроуровневая социальная концепция дискурсивных пространств самоидентификации [1], есть лишь эпистемологическая и онтологическая основа для создания современной двухосновной субъектно-социальной теории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Палагута В. Самоидентификация социального субъекта в дискурсивных пространствах / В. Палагута. – Днепропетровск: «Инновация», 2010. – 440 с.
2. Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные и различные / А. Турен // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999. – С. 465-491.
3. Башляр Г. Новый рационализм / Г. Башляр; пер. с фр. – М.: Прогресс, 1987. – 376 с.
4. Цит. по: Монсон П. Лодка на аллеях парка: введение в социологию // Социологические исследования. – М., 1996, -№ 5. – С. 28 – 38.
5. Рено А. Эра индивида. К истории субъективности / А. Рено; пер. с фр. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 474 с.
6. Йоас Х. Креативность действия / Х. Йоас; пер. с нем. – СПб.: Алетейя, 2005. – 320 с.
7. Джеймисон Ф. Постмодернизм або Логіка культури пізнього капіталізму / Ф. Джеймисон; пер. з англ. – К.: Видавництво «Курс», 2008. – 504 с.
8. Перов Ю. Наследие Декарта в перспективе «мышления о ценностях» / Ю. Перов // Мысль. – СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1998. - Вып. 2. – С. 103-114.
9. Хоружий С. К антропологической модели третьего тысячелетия / С. Хоружий // Философские науки. – М., 2003. - Вып.8. – С. 128-139.
10. Визгин В. Постструктуралистическая методология истории: достижения и пределы / В. Визгин. – М.: Одиссей, 1996. – С. 43-62.
11. Колесников А. Проблема субъективности в постструктурализме / А. Колесников // Формы субъективности в философской культуре XX века. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 79-106.
12. Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география / Б. Верлен; пер с нем. // Социологическая теория: История, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». – СПб.: «Владимир Даль», 2008. – С. 272-300.
13. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 440 с.
14. Никитина В. Постмодернистская трактовка социальности [Электронный ресурс] / В. Никитина. http://nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/VMSU/2007-01/07nvvpos.htm.
15. Бедаш Ю. Пространство как проблема постметафизической философии [Электронный ресурс] / Ю. Бедаш // Топос № 1(21). – 2009. – С. 94-113. <http://topos.ehu.lt/zine/index.htm>.
16. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение / С. Жижек; пер. с англ. – М.: Издательство «Европа», 2008. – 516 с.
17. Марков Б. На краях порядка: к философии протеста XX века / Б. Марков // Философия на рубеже веков. – СПб.: Изд.-во С.-Петербургского ун-та, 1996. – С. 69-81.

18. Джерджен К. Дж. Сотовый телефон и отсутствующее присутствие / К. Дж. Джерджен; пер. с англ. // Постнеклассическая психология. – 2005.- №1(2). – С. 11-18.
19. Комаров С. Метафизика и феноменология субъективности: Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания / С.Комаров. – СПб.: Алетейя, 2007. – 736 с.
20. Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма / Ф.В.Й. Шеллинг; пер. с нем. // Сочинения: [в 2т.] – М.: Мысль, 1987. - Т.1. – С. 227-489.
21. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.

SUMMARY

The possibility of the “subject” concept “comeback” to the contemporary social theory is analyzed on the basis of using the subject-oriented approach. The contemporary type of subjectivity is defined through the construction and topological subject, its ontology is constituted by a multilayer and multilevel discursive and spatial social reality. The base characteristic of that subject is the process of self-identification which is continuously going on at the micro-levels – at the discursive spaces and its numerous fields. It is shown that the discursive and spatial social reality being investigated by contemporary social theory is to be studied most efficiently by using the principles of Schelling’s subject and object identity, immanent position of observation that completely eliminates the metalanguage, the principle of social reality’s integrity that is structured through the social positions redistribution in discursive space of self-identification.

Т. І. БУТЧЕНКО

БЛОК ПАРТІЙ СОЦІАЛЬНОГО ПРОГРЕСУ ЯК СУБ’ЄКТ СОЦІАЛЬНО-ПОЛІТИЧНОГО ПРОЕКТУВАННЯ

Організація суспільно-політичного руху з вирішення завдань соціального прогресу є нагальною потребою вітчизняного суспільства. Перший погляд на сьогоденний стан розв’язання цієї проблеми в Україні створює враження бурхливої діяльності: вже зареєстровано понад сто політичних партій різних ідеологічних відтінків та безліч інших різновидів громадянських об’єднань. Між тим більш глибокий аналіз показує, що, на жаль, у цьому разі велика кількість офіційно визнаних організацій не визначає високої якості громадсько-політичних відносин, а, навпаки, свідчить про їхню фрагментарність і нерозвиненість. Переважна більшість громадянсько-політичних проектів має суто декларативно-формальний характер, існуючи лише на папері, ті ж нечисленні об’єднання та партії, що реально беруть активну участь у житті країни, не мають масового характеру та спираються на вкрай вузьке соціальне підґрунтя, у більшості випадків фінансуючись великим капіталом.

Як спробу прискорити процеси з партійної сегментації вітчизняного суспільства та формування масових політичних партій можна оцінювати останні законодавчі новації щодо запровадження пропорційної системи виборів. Проте, на нашу думку, практичні результати цього заходу виявилися не просто далекі від очікуваних, але і сприяли суто протилежним процесам із поглиблення відчуження партій від суспільства. Адже в дійсності участь широких верств населення в партійній діяльності і досі має спорадичний характер і, по суті, зводиться до виконання ролі статистів, своєрідної платної масовки, мета якої – лише створити видимість публічності та демократичності партійних заходів. Фактично же прості громадяни, як і раніше, лишаються осторонь від процесу ухвалення важливих рішень, вироблення політики партій-лідерів, що, проте, користуючись законодавчими повноваженнями, монополізують виборчий процес як на загальнонаціональному, так і на місцевих рівнях. Себто замість стимулювання укорінення демократичних традицій у масах голосування за партійними списками радше підживлює олігархічні тенденції соціально-політичного розвитку суспільства.

Чому так відбувається? І чи не свідчить це на користь думки про те, що партії за сучасний конкретно-історичних умов все більше застарівають, виявляючись неспроможними вирішувати завдання конституційно-демократичного поступу? Питання такого роду все частіше постають як перед вітчизняними дослідниками, так і перед представниками розвинених демократичних країн [4; 5; 6]. Адже і в них останні десятиріччя також були не найкращими для традиційних політичних партій у зв’язку з різким зниженням їхньої масовості, відривом партійної верхівки від рядових партійців, втратою чітких ідеологічно-ціннісних орієнтирів політичної діяльності та ін. Один із популярних варіантів зняття всіх цих негараздів пропонують розробники концепції «всеохопної партії» («catch-